

СПОРНЫЙ Хэллоуин

или

Октябрьское прозрение

Sunny Cloudy

18+

Sunny Cloudy

СПОРный Хэллоуин или Октябрьское прозрение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73089078

SelfPub; 2026

Аннотация

После рокового эксперимента мир изменился: из разлома реальности явился Грибар, разумный мицелий, подчиняющий умы. Те, кто «прозревает», видят истину: Человечество – лишь клетки в теле древнего божества.

Агент Харпер десять лет ищет сестру, пропавшую в первую ночь «жатвы». Обнаружив, что она жива и стала последовательницей культа, он оказывается перед выбором: спасти её или выполнить миссию по уничтожению Грибара. Но победа иллюзорна. За аномалиями стоят древние силы – боги-«садовники», стремящиеся к бездушному порядку.

Вив и техник Том понимают: чтобы выжить, они должны стать не просто защитниками, а вирусом в системе. Используя генетический код древней аномалии, они создают собственное оружие против богов. Их путь ведёт к эпицентру всех разломов, где решается судьба реальности мира, а цена свободы воли оказывается выше, чем можно вообразить.

Sunny Cloudy

СПОРный Хэллоуин или Октябрьское прозрение

«СПОРный Хэллоуин»

Как же достала эта сырость подземного бункера. Воздух густой, влажный, им тяжело дышать. Одежда пропахла плесенью и землей – не просто запах, а ощущение, что сама кожа пропиталась этой гнилью! Даже аромат кофе, поднимающийся с паром от моей старой, в сколах эмалированной кружки, не перебивает эту вонь. Он лишь смешивается с ней, создавая какой-то адский коктейль, который я ношу в своих легких. Остается только закурить. Сигаретный дым – единственное, что кажется здесь своим, родным. Он выжигает споры из воздуха! По крайней мере, мне так хочется думать.

Стол, побитый годами и отчаянием, завален старыми личными делами сотрудников лаборатории «БиоХак». Их улыбающиеся лица на пропусках соседствуют с мрачными досье на членов секты «Сбор Урожая»! Грань между жертвами и монстрами здесь тоньше паутины. Глупо жаловаться, ведь находиться здесь – мой выбор! Я, сам напросился на эту должность. После пропажи моей сестры 10 лет назад! Вив было 11 лет. Она ушла с друзьями праздновать Хеллоуин в костюме маленькой ведьмы и не вернулась...

Приложение XXXX-A: Выдержки из интервью с субъектом SCP-XXXX-2-17 (Анна Керри, 32 года, главный лаборант)

Профессор Рипли: Анна, что вы видите прямо сейчас?

SCP-XXXX-2-17: Вы... вы не человек. Вы кукла из глины и света! А за вами... стена. Она дышит! Она розовая и влажная, и по ней струятся толстые синие жилы. Я вижу, как по ним течет... не кровь. Энергия! Смысл.

Профессор Рипли: Опишите меня так, как вы меня видите.

SCP-XXXX-2-17: От вас тянется нить. Ярко-голубая. Она уходит через потолок, вверх. А в груди у вас... не сердце, а маленький, мерцающий гриб! Он шепчет вам, что вы – профессор Рипли. Что это стул. Что это комната. Но это ложь! Это сон. Вы – клетка в огромном теле. Мы все – клетки!

Профессор Рипли: Вы говорите о Грибаре?

SCP-XXXX-2-17: (Смеется, затем плачет) Он не «Грибар»! Это слово, которое вы придумали, чтобы не сойти с ума. Он – ВСЁ! Эта комната – его складка! Ваши слова – вибрация его голоса! Та двойка в школе... это был его спазм. Развод родителей... отмершая чешуйка на его коже. Всё, что было, есть и будет – это ОН! И мы, Прозревшие... мы большие не можем притворяться, что не видим Хозяина дома!

Конец записи.

Ненавижу эту работу. Ненавижу запах, тишину, давящую своды бункера, и тот ужас, что мы держим за семью замками. Но без нас мир попросту рухнет! Или, станет частью чего-то большего. Что хуже – я до сих пор не решил.

Приложение XXXX-B: Дневник субъекта SCP-XXXX-2-18 (Лука Шэйн, 19 лет, студент, первая волна «прозревших»).

25 октября: *Снова Хеллоуин скоро! Все готовятся к вечеринкам. А я чувствую... зуд. Под кожей! Как будто корни в мозгу шевелятся. С тех пор как в прошлом году на том ужасном фестивале я вдохнул ту странную серебряную пыльцу... всё изменилось!*

29 октября: *Сны стали яркими, слишком яркими! Сегодня, видел, как город растаял, а вместо асфальта был живой, коричневый мицелий! По нему текли огненные реки. Проснулся в холодном поту, но образ не уходит. Он... правдивее, чем то, что я вижу сейчас!*

31 октября, 06:00: *Это началось! Проснулся, и мир был... другим! Воздух мерцает! Стены моей комнаты полупрозрачные, и я вижу, как сквозь них пульсируют гигантские, похожие на вены трубки! Я, не боюсь! Это странно. Я должен бояться, но я чувствую... облегчение! Наконец-то я проснулся!*

31 октября, 15:00: *Вышел на улицу. Это невероятно! Небо – это не небо. Это свод гигантской пещеры из плоти! Облака – это скопления светящихся спор! Люди... Бо-*

же, люди! Большинство – просто бледные, безликие тени, они ходят по заданным маршрутам, как муравьи. Но некоторые... некоторые сияют! От них к земле, к воздуху, друг к другу тянутся сверкающие нити. Я вижу Сеть! Я вижу Грибар!

31 октября, 22:00: *Я нашел других! Мы, смотрели на фабричную трубу на окраине города. Для них это просто труба. Для нас... это орган, гигантский спорангий, и он выпускал в ночное небо тихую, прекрасную музыку! Цвет музыки был фиолетовым. Я не знал, что музыка может иметь цвет. Теперь знаю! Мы все плакали. От счастья! Мы – дома!*

1 ноября, 09:00: *Они нашли нас! Люди в белых костюмах! Они не Прозревшие. Они... садовники! Они, обрезают те части Грибара, которые считают сорняками! Они – забрали меня! Они говорят, что хотят помочь. Но они слепы! Они служат Ему, даже не зная об этом! Их Фонд, их протоколы... всего лишь иммунная реакция организма на слишком активные клетки! Ирония в том, что, пытаясь сдержать Его, они лишь подтверждают Его существование!*

Конец записи.

Каждый год за неделю до Хэллоуина мы, оставшиеся в живых члены Фонда «Сигма-17», возвращаемся в это место чтобы предотвратить грядущий хаос! Нас собрал старый профессор Рипли – живой труп, единственный выживший руководитель того самого эксперимента «**ПРОРЫВ**»! Про-

ходил он десять лет назад в стерильных, сияющих хромом лабораториях фармацевтического гиганта «БиоХак». Гении в белых халатах решили, что могут играть в Богов! Их цель – использовать квантовые резонансы для расщепления мицелля, дабы синтезировать новое психоделическое вещество! «Ключ к сознанию», вещали они.

Стоило им остановиться на пенициллине, но куда там! Жажда открытий ослепила их. Эффект получили обратный! Молодец, Рипли! Молекулы вели себя не как молекулы – они исчезали, появлялись в другом месте, словно подмигивая из иного измерения. На протяжении пяти лет эксперимента образцы... уходили. Отправлялись куда-то. И возвращались уже другими! Подвергнутые чужеродному облучению, они мутировали, во что-то потрясающее и ужасное. В отчетах писали: «Образец 734-Эпсилон демонстрирует признаки внепространственного роста и когнитивной активности»!

В последний день, тот самый, что мы теперь называем «Днем Разлома», один из стажеров, паренек по имени Эванс, от волнения превысил мощность оборудования. Он не просто расщепил мицеллий. Он расщепил саму реальность! Установка вышла из-под контроля, и в считанные секунды волной неведомой энергии было испарено двое сотрудников, а заодно и капитальная стена лаборатории!

Но за ней оказался вовсе не соседний зал. И даже не улица.

Из дыры, висящей в воздухе, повалил густой, желтова-

тый туман. Он нес в себе сладковато-приторный запах гниющих грибов и миллионов невидимых спор. А сквозь туман... сквозь туман виднелся пейзаж, от которого кровь стыла в жилах. Лиловое небо, гигантские, пульсирующие бледным светом грибницы вместо деревьев, и почва, похожая на живое, дышащее мясо. Целая агрессивная ЭКОсистема! И, в ее центре – гигантский, пронизывающий все мицелий, который мы теперь зовем Грибар! Он был не просто растением. Он был хозяином того мира! Его разумом. Тогда ему присвоили класс «Эвклид»!

Вдохнувшие споры сотрудники тут же изменились! Их глаза остекленели, голоса стали на одну октаву ниже. Они не злились, не кричали. Они улыбались! И твердили, словно заведенные: «Эвклид поможет! Эвклид предотвратит катастрофы! Эвклид – это спасение!»! Ирония в том, что он и стал катастрофой!

Лабораторию запечатали стальными щитами. Выживших, тех, кто не поддался, но был заражен, поместили в карантин. Долго допрашивали. Профессор Рипли, тогда еще не старик, а полный сил ученый, умолял их всех уничтожить. Его не слушали!

«Эвклид», или Грибар, спустя полгода разросся настолько, что покинул не только лабораторию, но и саму ту аномальную зону! Он ушел под землю, как гигантский, разумный корень. Мы обнаружили его нити в канализационных системах, в метро, в корнях обычных городских деревьев!

И, каждую осень, за неделю до Хэллоуина, он начинал «цвести»! Выпускать в воздух города споры, невидимые для обывателя.

Люди, вдохнувшие их, менялись! Они, находили друг друга, объединялись. Так родилась секта «Сборщики Урожая»! Они не были безумцами в привычном смысле. Они были... прозревшими! Твердили, что с ними говорит Высший Разум, владыка всего сущего! Благодаря ему они видят истинную Суть нашего мира – что все мы всего лишь клетки в гигантском теле Грибара, а города – лишь поверхностная плесень!

В тот первый Хэллоуин они устроили свой «праздник»! В местах массовых скоплений людей – на площадях, у стадионов – они распылили концентрированные споры, собранные за год! Это выглядело как всплески парадоксов или случайные трагедии внезапное безумие толпы, машины, начинающие двигаться сами по себе, законы физики, дающие сбой в отдельно взятой локации. Толпа... толпа воссоединилась со своим «Хозяином». Началась бойня! Люди с сияющими, блаженными лицами разрывали друг друга на части, крича одни и те же слова, словно мантру: «Стань его частью! Грибар выбрал тебя!». Кровь лилась рекой, и мы с ужасом наблюдали по камерам, как она не впитывалась в асфальт, а стекала в стоки, словно земля пила. Питалась! Тогда мы поняли, в период «жатвы» Грибар переходит в класс объекта «Кетер» и становится крайне опасным!

Но Грибару этого было мало! Массовое жертвоприно-

шение было лишь кульминацией! Секты весь год проводили тайные ритуалы, подкармливая мицелий свежей кровью, чтобы к октябрю он набрал силу для главного действа «Сбора урожая»! Каждый год, за неделю до Хэллоуина, они начинают подготовку. Роют ямы в лесах, рисуют странные символы на стенах заброшенных зданий, символы, похожие на спорангии. Они готовятся к новому «Сбору урожая»!

А мы сидим в этом проклятом бункере, в пахнущем плесенью аду, и листаем досье. Мы – санитары этого мира, пытающиеся остановить болезнь, которая, возможно, и есть его истинное лицо. И с каждым годом тихий шепот в моей голове, тот, что начался после того, как в прошлом году я надышался спор во время рейда, становится все навязчивее. Он шепчет: «Посмотри. Просто посмотри. И ты увидишь, как все устроено на самом деле»!

И самое страшное – я все чаще ловлю себя на том, что хочу послушаться!

В этом году все по-другому! В воздухе витает не только привычный запах страха и плесени, но и едкий, тревожный аромат надежды. Мы наконец подготовились! По всем основным тоннелям, что расходятся от эпицентра в заброшенной лаборатории «БиоХака», заложены заряды! Не просто взрывчатка – термобарические смеси и химикаты на основе соединений меди и мощных фунгицидов! Цель – не просто разорвать, а **выжечь** эту гадость из земли, создать огненный шторм, который испепелит каждую нить мицелия!

Профессор Рипли, за эти десять лет превратившийся из уверенного ученого в сгорбленного, одержимого старика, нашел в себе последние силы. Вместе со своим ассистентом, молчаливым гением Томом, они не спали неделями, проводя расчеты на потрескавшейся от сырости классной доске.

– Квантовый резонанс, – хрипел Рипли, тыча пальцем в паутину формул. – Мы не можем уничтожить Разлом! Он часть реальности теперь. Но мы можем... «защитить» его. Погасить первоначальный импульс!

Они собрали устройство – «Анклав»! Громоздкий шкаф, набитый мигающими лампами, переплетенными проводами и стержнем из того самого мутировавшего пенициллина, взятого из архивов «БиоХака». Том объяснял, что это – «Квантовый ключ», который должен создать Контррезонанс и стабилизировать разлом, похоронив его в подпространстве!

Но здесь и кроется главный, проклятый нюанс. Возможность ударить есть лишь в один-единственный момент – в пик **Жатвы**, в ночь «сбора урожая» на Хэллоуин!

– Это парадокс, – монотонно бубнил Том, не глядя ни на кого. – Грибар максимально силен, он питается энергией жертвоприношений и открывает порталы по всему городу! Но в тот самый миг, когда он пытается «прорвать» реальность, его ядро, его связь с нашим миром, становится тоньше и уязвимее. Как натянутая струна. Перережь ее – и все рухнет!

Иными словами, нам нужно подождать, пока сектанты начнут свой адский ритуал! Пока Грибар не напьется крови и не распахнется навстречу новым жертвам. И в этот самый миг, в его зените, мы должны нанести удар!

Взрыв – это только начало. Это хирургический разрез! После детонации у нас будет **буквально десять минут!** Пока Грибар, раненый, не запустит свои чудовищные механизмы регенерации. Пока его «иммунная система» – те самые искаженные твари из Разлома и обезумевшие сектанты – не хлынут в бункер, чтобы защитить своего Бога!

Десять минут, чтобы пронести «Анклав» через эпицентр огня и хаоса, установить его в гибридную плоть Грибара и активировать!

Рипли положил свою старческую, трясущуюся руку мне на плечо. Его глаза блестели в тусклом свете аварийных ламп.

– Хантер, это наш единственный шанс! Или мы запечатаем его, или... или мир поглотит хаос. Навсегда!

Я гляжу на схему бункера, на красные метки заложенных зарядов. Десять минут! Меньше, чем длится перерыв в футбольном матче. Достаточно, чтобы выкурить последнюю сигарету. Или чтобы принять самое важное решение в жизни!

И этот тихий, навязчивый шепот в затылке, который преследовал меня все это время, наконец обретает ясность! Он шепчет не «посмотри», а нечто иное, от чего кровь стынет

В жилах:

«Подожди! Всего на одну минуту! И, ты увидишь, каким мир станет... после падения! Готов пожертвовать всем, даже сестрой»?

Я едва слышно выдохнул: «Вив еще жива...»!

Слова повисли в спертom воздухе бункера, смешавшись с запахом плесени и остывшего кофе. Они прозвучали громче любого взрыва! Все эти годы я думал, что она стала одной из первых жертв, пропавшей во время того самого, первого «Сбора Урожая»! А она... она была среди них! Не жертва, а последовательница! Моя младшая сестра, с которой мы строили замки из одеял и мечтали улететь на Луну, теперь слушала шёпот Грибного Божества...

Приступаем к подготовке! За день до Хеллоуина! Каждый шаг, каждый проверенный кабель, каждый взрывпакет, который я вкручиваю в каменную плоть тоннеля, отдаётся в виске одной мыслью: **Вив!**

Допустить Жатву было необходимой, чудовищной жертвой во имя большего блага! Логика Рипли была безжалостной и железной: «Мы не можем рисковать миссией ради одного человека, даже если это твоя сестра. Грибар должен быть уничтожен»! Но логика – это хрупкий щит против воспоминаний! Я помнил, как она смеялась, запрокинув голову. Помнил, как плакала, когда у неё не получалось завязать шнурки...

Мысль о том, что она там, среди одержимых, в их гнию-

щем сердце, беспокоила меня не меньше, чем навязчивый голос Грибара в голове! Этот голос стал тише, отступил на второй план, затмеваемый чисто человеческим, братским ужасом!

Она сегодня приезжает в город!

Информация пришла из перехвата коммуникаций секты. «Сестра Прозрения» – так они её называли – будет присутствовать на главном ритуале в старом дренажном коллекторе под фабрикой. Именно там, где мы заложили самый мощный заряд!

У меня есть план. Безумный, самоубийственный, но это единственный шанс!

До взрыва – шесть часов.

Я проверяю кобуру. Не обычный служебный пистолет, а транквилизатор с усиленной дозой седативного. Я не собираюсь убивать сектантов. Я собираюсь похитить свою сестру!

До взрыва – четыре часа.

Том молча вручает мне обновлённую схему коллектора. «Там есть старый технический ход, – бормочет он, не глядя мне в глаза. – Его нет на общих планах. Он выведет тебя прямо за линию наших зарядов. У тебя будет пятнадцать минут после того, как ты её найдёшь»!

Рипли смотрит на меня. В его старческих глазах нет осуждения, лишь бесконечная усталость. «Десять минут на установку «Анклава», – напоминает он беззвучно. – Не опоздай! Или... мы все умрём»!

До взрыва – один час.

Я уже не в бункере! Я в сырых, тёмных катакомбах кол-лектора, прижимаясь к липкой, холодной стене. Воздух гудит от низкого, гортанного хора. Они поют! Сотни голосов сливаются в один, славя своего Грибара! Я вижу их в просветы между трубами – люди в самодельных балахонах, с лицами, искажёнными не безумием, а экстазом!

И я вижу её!

Вив! Она стоит у самого края, где бетонный пол обрывается, уступая место бьющейся, пульсирующей живой плоти Грибара. Она не поёт. Она смотрит на это чудовище с таким благоговением, с какой когда-то смотрела на звёзды!

Голос в моей голове внезапно просыпается. Он не грозит-ся, не уговаривает. Он просто констатирует факт, и от этого по спине бегут мурашки!

«Она выбрала свет. Ты же всё ещё во тьме. Оставь её! Она счастлива»!

Я стискиваю зубы, глушу этот шёпот. Нет! Она не счастлива! Она загипнотизирована! Одурманена!

До взрыва – пятнадцать минут.

Мои пальцы сжимают шприц-транквилизатор. Пятна-дцать минут, чтобы пробиться через толпу, вытащить её и бежать! Пятнадцать минут до того, как мир вокруг нас пре-вратится в ад!

Я делаю глубокий вдох, пахнувший гнилью и безумием.

Я иду за тобой, сестрёнка! Прошу, держись!

Накидываю капюшон такого же грязного балахона и ступаю из тьмы коллектора в безумную толпу! Это похоже на погружение в бурлящую, тёплую воду! Тела вокруг раскачиваются в едином ритме, густой гул сотен голосов сливается в монотонный молитвенный гимн. Они не обращают на меня никакого внимания. Их разумы не здесь; они там, в глубине Мицелия, слились с божественным безумием Грибара! Они видят Идеальный мир – он одурманил их, как самый сильный наркотик.

А я один трезвый на этом пиру!

Голос в голове, такой громкий, что в висках пульсирует в такт пульсации Грибара под ногами: *«Ты опоздал! Ты всегда будешь опаздывать! Тебе не спасти её! Ты тоже станешь частью меня, и вы воссоединитесь в моём сознании – навеки! Остановись! Сдайся! Я – единственное, что может дать тебе настоящий покой! Я помогу тебе обрести счастье, которое ты искал всю свою жалкую, одинокую жизнь»!*

Слова обжигают изнутри, они пахнут той самой плесенью из бункера, тем кофе, что уже не согревает, тем дымом, что больше не спасает.

Надо бороться! Я должен бороться! Я мысленно ловлю звон её смеха, того, каким он был до! Это – мой якорь!

Ещё пару шагов. Я почти рядом! Протягиваю руку из складок балахона, чтобы схватить её за плечо, оттащить назад!

И в этот миг Вив делает шаг вперёд! Не колеблясь, не раздумывая. Прямо с обрыва бетонной плиты – в зияющую пасть пульсирующей, живой плоти Грибара!

В голове всё проясняется с леденящей, безмолвной ясностью. Мир сужается до этой точки, до её фигуры на краю!

Я кидаюсь вперёд, моё тело действует само, вопреки логике, вопреки страху! Я хватаюсь за её запястье в последнее мгновение! Вес больно дёргает мою руку, суставы хрустят от напряжения.

– ВИБ! – мой крик разрывает гулкий хор, рёв отчаяния, в котором нет ничего человеческого!

В эту секунду гимн сектантов обрывается! Гул стихает. Я чувствую на себе тяжесть сотен взглядов! Они больше не смотрят в никуда. Их взоры, остекленевшие и пустые, теперь прикованы ко мне! К чужаку! К тому, кто посмел нарушить таинство!

Вот черт!

Мы повисли в тишине, над бездной – я, держащий её, и она, смотрящая на меня без единой эмоции. Они нас не отпустят! Разорвут на части принося в жертву своему Божеству!

И тут я слышу его! Едва слышный, тонкий, как паутинка, голос, который я не слышал десять лет. Не шепот Грибара, а её настоящий, испуганный, *человеческий* шёпот:

– Харпер... это ты? О Боже, ты живой! – в её голосе не просто узнавание, а щемящее облегчение, пробивающееся

сквозь годы промывки мозгов. Это голос девочки, которая нашла брата в тёмной комнате!

– Вив, мы выберемся отсюда! Я обещаю! – Мои пальцы онемели, сжимая её запястье. Каждая секунда – пытка!

И тут же, как ядовитый туман, в сознание вливается голос Грибара! Он уже не шепчет, а говорит полнозвучно, заполняя собой всё, как вода в затопленной комнате: *«Обещание? Смешно! Ты всегда её подводил, Харпер. Помнишь, как не пришёл на её выступление в школе? Это был я! Твой сбой. Твоя слабость! Приди ко мне сейчас, и я сотру эту боль. Я защищу тебя, и вы воссоединитесь с сестрой в вечном сиянии моего сада. Или... вы погибнете вместе! Ваша плоть и кровь послужат великой цели! Вы станете кирпичиками в стенах Нового мира. Выбор прост: вечность в блаженстве или ничтожная смерть во тьме»!*

Я сжимаю зубы так, что челюсть вот-вот треснет.

– Да иди ты к черту! – рычу я, и крик этот адресован не только Грибару, но и всей этой безумной реальности. – Вы все идете к черту, чокнутые фанатики! Я не боюсь тебя, поганка переросток!!!

Мой взгляд метнулся вниз, вдоль стены, покрытой биением жил Грибара. Там, в метре слева от нас, едва заметный в полумраке, торчал аварийный трап, ржавые прутья, уходящие вниз, в дымную мглу коллектора!

– Вив, слушай меня внимательно! Внизу, слева, лестница!

Правой ногой оттолкнись от стены и раскачай нас! Как на качелях, помнишь? Доберёшься до неё – не жди меня, беги вниз! Там технический ход, он отмечен!

Она, бледная, с огромными глазами, в которых борются ужас и доверие, кивает.

– Поторопись, – добавляю я, и голос мой срывается, – через пять минут тонны взрывчатки разнесут это место в пыль!

Я отпускаю её вторую руку, и она, сделав резкий маятниковый взмах, отрывает ноги от края. Мы раскачиваемся над бездной! Сектанты, опомнившись, делают шаг вперёд. Их руки тянутся к нам, но не чтобы помочь, а чтобы стащить вниз, принести в жертву!

Я одной рукой держу Вив, а другой выхватываю транквилизатор и стреляю в ближайшего фанатика! Он оседает с глухим стоном. Это ненадолго их останавливает.

– Ещё раз, Вив! Сильнее!

Она делает ещё один рывок. Кончики её пальцев скребут по ржавому металлу... и наконец цепляются за перекладину!

– Держись! – ору я и, чувствуя, как её вес уходит с моей руки, разворачиваюсь к толпе, чтобы прикрыть её отход.

Ноги Вив то и дело соскальзывают с мокрых, ржавых перекладин. Каждый раз, когда ее подошва отчаянно скребет по металлу, отправляя в пропасть рой рыжих хлопьев, мое сердце сжимается в ледяной ком! Я вижу, как белеют ее костяшки, с такой силой она впивается в прутья!

– Не оглядывайся! Ползи! – хриплю я, но мое собственное

положение отчаянное!

Толпа фанатиков, словно одно целое, живой оползень, хлынула к обрыву. Десятки рук тянутся ко мне, чтобы сбросить вниз, к пульсирующему сердцу их Бога! Балахон рвется в клочья под их пальцами. Чей-то ноготь царапает мне спину до крови! Я чувствую их дыхание – сладковатое, грибное.

Пан или пропал!

Вывернувшись из разорванной ткани, я делаю отчаянный прыжок в сторону лестницы! Не вниз, а вдоль стены, почти горизонтально! Рука с зажатым транквилизатором вскидывается, целясь не в людей, а в ржавый прут над головой.

И я зацепился! На долю секунды повис, и мир замер!

Но прут, подточенный годами и странной влагой Грибара, с громким, предательским *хрустом* обламывается.

Все! Конец.

Мысль кристально чистая, пустая. Я даже не почувствовал страха, лишь леденящую душу ясность: опять не сдержал слово!

И в этот миг другая рука, маленькая, но цепкая, схватила меня за запястье! Боль пронзает плечо, но это боль жизни. Вив! Она уже доползла до тоннеля и теперь, упёршись ногами в косяк, из последних сил затаскивает меня внутрь, в благословенную, спасительную тесноту устья!

Мы падаем друг на друга в темноте, задыхаясь! Из моего кармана доносится резкий звук таймера. Я вытаскиваю его, и в тусклом свете дисплея вижу цифры:

1:59.

– Бежим! – выдыхаю, поднимаясь на ноги и стаскивая с себя лохмотья балахона. – Быстрее! Прямо, никуда не сворачивая!

Мы не бежим, а летим по низкому, сырому тоннелю, спотыкаясь о гравий и свисающие корни мицелия, которые шелеются у нас под ногами, пытаюсь удержать. Сзади, из зала, доносится нарастающий гул – это не только крики сектантов. Это сам Грибар, почуяв угрозу, издает низкочастотный вой, от которого содрогаются стены!

1:30. Мы видим впереди свет – не искусственный, а тусклый, ночной, пробивающийся через решётку!

1:00. Я плечом бью по ржавому металлу. Решётка с скрежетом поддается!

0:30. Мы вываливаемся на холодный ночной воздух, на колючую траву пустыря. Вдали видны огни города. Мы сделали это!

Я разворачиваюсь к чёрному провалу тоннеля, из которого доносится тот самый вой и смотрю на цифры:

0:03... 0:02... 0:01...

Тишина.

– Ложись!!!

Взрыв сопровождается диким, нечеловеческим воплем, который рождается не в ушах, а прямо в мозгу, пронзая эту ночь словно раскалённой спицей! Языки ослепительно-белого пламени, смешанные со снопом светящихся спор, выры-

ваются из чёрного зева тоннеля, освещая наши перепачканные сажей и кровью лица, порезанные руки, покрытые следами ржавчины и странной, липкой слизью.

На секунду воцаряется оглушительная тишина, звон в ушах, и я, пытаясь вернуть нас обоих к чему-то нормальному, к чему-то человеческому, говорю, вытирая грязь с её щеки:

– Вив, помнишь, ты в детстве обожала жареные шампиньоны с лучком? Чёрт, теперь этот гриб пахнет куда лучше!)

Она смотрит на меня, и в её глазах, всё ещё полных ужаса, проскальзывает крошечная, слабая улыбка. Это самое дорогое, что я видел за последние десять лет!

Я помогаю ей встать и крепко, до хруста в рёбрах, обнимаю, так что её ноги отрываются от земли. Она жива! Она здесь! Я СДЕЛАЛ ЭТО! Я сдержал обещание!

В этот миг, когда кажется, что можно просто рухнуть на траву и плакать от облегчения, из кармана моих порванных штанов доносится резкий, прерывистый треск. Рация! Я с трудом вытаскиваю её.

– ...шшш-пер! Приём... скорее сюда! – это голос Тома, срывающийся от статики и паники. – Профессор, он... шшш... не справляется... скорее!

Лёд сковывает душу. Радость испаряется, как капли воды на раскалённой плите. Рипли. «Анклав». Десять минут!

Я смотрю на Вив. Она слышала! В её глазах – не вопрос,

а понимание. Страх, но и решимость.

– Поехали, – просто говорит она, её голос дрожит, но она уже делает шаг вперёд, туда, откуда мы только что чудом вырвались! Теперь нам предстоит бежать не *от*, а *обратно* – в самое сердце ада, который мы сами и разожгли!

Мы вновь в вонючих тоннелях канализации, бежим со всех ног! Единственный фонарик выхватывает из тьмы слизкие стены и причудливые узоры из мицелия, которые, кажется, всё ещё шевелятся в агонии! Воздух густой, пахнет гарью, кровью и гнилью. Время истекает с каждым ударом сердца.

Взмыленные, едва переводя дух, мы вваливаемся в знакомый бункер. Бронедвери сорваны с петель! Внутри – следы жестокого боя: гильзы, пятна странного, фиолетового сока и кровь. Человеческая кровь! Забегаем в лифт. Скрипящий спуск в ту самую лабораторию, с которой всё началось десять лет назад, кажется вечностью!

Лифт открывается. И мы видим их!

Том, бледный как полотно, с окровавленным ножом в дрожащей руке, прислонился к стене! А посередине комнаты, у самого порога в тот самый Разлом, который теперь пульсирует кроваво-багровым светом, сидит профессор Рипли! Весь в крови.

– Профессор! – я падаю перед ним на колени. – Что случилось?

Он с трудом поднимает на меня взгляд. Его дыхание клокочет!

– Фанатики... – выдыхает он. – Почуяли неладное... Мы отбились... Но «Анклав»... – он скривился от боли, указывая на устройство. Корпус «Анклава» был проломлен, несколько ламп погасли, из-под панели тянулись оборванные провода. – Повреждён... Пульт... для дистанционного включения... утерян в суматохе...

Он делает над собой нечеловеческое усилие, пытаясь встать.

– Единственный вариант... запустить его вручную... напрямую... от источника! Помоги мне... зайти с ним в Зал... – он кашляет, и на его губах проступает алая пена. – Я... кх-кх... я сделаю это!

Он смотрит на меня, и в его глазах – не страх, а решимость. Он знает, что это путь в один конец! Он хочет испить свою вину. Вину создателя этого кошмара!

Том шепчет дрожащими губами, его глаза полны ужаса!

– Ручной запуск... это значит вставить стержень с мицелием прямо в ядро Разлома! Радиация, Энтропия... это не просто убьёт... это расплавит его заживо! Развеет на атомы!

Я смотрю на массивный стержень «Анклава», свинцово поблёскивающий в алом свете Разлома. Он весит килограммов десять! Профессор не сможет поднять его в своём состоянии! Он и дотащить-то себя не может.

Рипли, словно читая мои мысли, хрипит, цепляясь за мою руку.

– Харпер, послушай... Я справлюсь! Дай мне... этот шанс.

Я смотрю на его окровавленное лицо, на его глаза, полные не боли, а отчаянной надежды на искупление! И я понимаю. Понимаю всё!

– Нет, – мой голос звучит тихо, но чётко, перекрывая гул Разлома. – Я пойду с вами!

– Но это убьёт тебя! Ты же слышал, что он сказал! – кричит Вив, её голос полон неподдельного ужаса.

Я медленно поворачиваюсь к ней. Ко всей той жизни, что могла бы быть! Я подхожу и нежно убираю её растрёпанные, испачканные сажёй и слезами волосы с лица, точно так же, как делал это в детстве, когда она плакала. Она замирает, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Я люблю тебя, Вив – говорю я, и мои губы касаются её лба в последнем, прощальном поцелуе. – Проживи хорошую жизнь! За нас Обоих!

И прежде чем она успевает понять, прежде чем её пальцы успевают вцепиться в мою куртку, я резко отталкиваю её в сторону Тома! Тот, оглушённый происходящим, машинально ловит её!

Этих двух секунд хаоса и неожиданности мне хватает.

Я срываюсь с места, с силой толкая тяжёлый «Анклав» на колесиках прямо в зияющую пасть Зала, хватаю под руку обессиленного профессора и втаскиваю его за собой. Позади раздаётся душераздирающий крик Вив.

– ХАРПЕР!!!

Последнее, что я вижу перед тем, как обеими руками рва-

нуть на себя массивную Бронедверь, – это её искажённое горем лицо и протянутые ко мне руки Тома! Затем раздаётся оглушительный лязг металла, и звук снаружи исчезает, сменяясь нарастающим, безумным рёвом Разлома!

Мы запечатаны! Вместе с чудовищем, которое нужно усыпить. Навсегда!

Эпилог. Неделю спустя!

Вив стоит у мемориальной доски, установленной на заваленном входе в лабораторию. На ней нет имён – слишком секретно. Просто дата и абстрактный символ! Она кладёт к подножию маленький, белый, совершенно обычный шампильон.

«Ты сдержал слово, теперь моя очередь», – тихо говорит она, целует пальцы и прикладывает их к холодному камню. Встает, поворачивается и уходит, чтобы начать ту самую «хорошую жизнь»! Ту, ради которой её брат совершил свой последний и самый Главный выбор!

«Пир Сидов у врат грибницы»

Дождь застучал по крыше моего маленького коттеджа где-то на побережье Шотландии. Я налила себе чаю, завернулась в плед и смотрела на огонь в камине. Год! Прошёл целый год с той ночи! Я пыталась строить «хорошую жизнь», как просил Харпер! Работала удалённо, гуляла по холмам, дышала солёным воздухом. Иногда по ночам мне всё ещё снил-

ся сладковатый запах гниющих грибов, и я просыпалась с криком...

В один из таких вечеров, когда буря бушевала с особой силой, зазвонил спутниковый телефон. Устройство, выданное Фондом на экстренный случай. Сердце ухнуло вниз! У меня плохое предчувствие...

– Алло? – голос дрогнул.

– Вив. Это Том! – Голос с другой стороны был ровным, но Вив почувствовала в нём напряжение. – Мне жаль. Но... «он» жив!

Одного этого слова – «он» – было достаточно, чтобы стены моего уютного Мира снова рухнули!

– Что? – прошептала я. – Но... мы всё запечатали! Мы...

– Мы запечатали главный Разлом, – перебил Том. – За десять лет Грибар создал глобальную сеть мицелия! Слабую, дремлющую, но существующую. У него остались... Чёрные ходы!

– Откуда ты знаешь?

– Мне позвонил один человек. Профессор Лиам О'Брайен, историк-фольклорист из Дублинского университета. Он не из Фонда! Просто интересовался аномальными зонами. И кое-что нашёл! В глухом лесу в графстве Мейо, Ирландия. То, что очень похоже на наши отчёты!

Том сделал паузу.

– Наша задача – приехать к нему. Выяснить, являются ли эти очаги безвредными остатками мицелия или... они рас-

тут, готовя Грибару новый вход в наш Мир! Я не могу сделать это один. Мне нужен твой... опыт!

Я закрыла глаза. Передо мной встал образ Харпера! Его последнее объятие. Его просьба!

Проживи хорошую жизнь!

А что такое «хорошая жизнь»? Спокойное существование в тени угрозы, которая может поглотить всё в любой момент? Или борьба за то, чтобы эта угроза никогда больше не постучалась в чью-либо дверь?

– Высылай координаты, – твёрдо сказала я. – Захвачу пару вещей и выезжаю!

Спустя пять минут дверь коттеджа захлопнулась, возможно уже навсегда! А на столе осталась одинокая кружка зеленого чая, от нее еще поднимался пар...

Ирландия встретила их пронизывающим ветром и низким свинцовым небом. Лиам О’Брайен оказался крупным мужчиной в клетчатой рубашке и потрёпанной ветровке, с умными, пронзительными глазами.

– Добро пожаловать в одно из самых старых и проклятых мест Изумрудного острова, – без лишних церемоний сказал он, пожимая им руки. Его хватка была твёрдой. – Местные шепчутся, что это место – «Врата в Страну Сид»! Верят, что этот лес – прямой потомок священной рощи Друидов, «Неметона»! Говорят, здесь можно не просто поговорить с предками, а... случайно к ним провалиться. Особенно в ночь

на Самайн!

Он повёл их по раскисшей грунтовой дороге, указав рукой на возвышающийся в отдалении пологий холм.

– А вон там – Тара! Холм Королей! Легенды гласят, что на нём стоял Лиа Фаль, Камень Судьбы! Он громко ревел, признавая истинного короля. – Лиам горько усмехнулся. – Сейчас он молчит. А вот это место... оно, наоборот, стало куда как разговорчивее!

Они углубились в лес. Воздух стал гуще, тишина – давящей! Деревья, покрытые густым мхом, образовывали плотный полог, сквозь который едва пробивался серый свет.

– Ну что, коллеги, в путь, – без особого энтузиазма бросил О’Брайен. – В самую глубь этого «Неметона». К самому сердцу!

Вскоре они вышли на поляну, которую окружал кольцевой вал из древних, покрытых мхом камней. Это не были обработанные мегалиты! Они выглядели так, будто их выплюнула сама земля. В центре поляны земля проседала в явно рукотворный проход, заваленный камнями, – вход в подземную гробницу!

– Курган, – пояснил Лиам. – Один из тех самых «подземных ходов» в Сид! Обычно здесь просто... мерцает. Люди видят тени, слышат шёпот из-под земли! Эктоплазменный феномен низкого уровня. Но в этом году...

Он не договорил. Я и сама уже всё видела! Взгляд прилип к основанию камней и к краю тёмного прохода в кур-

ган. Камни были оплетены паутиной БИОлюминесцентного мицелия, который пульсировал мягким, зловещим фиолетовым светом! Воздух слабо, но неумолимо пахнул тем самым знакомым запахом – сладковатой гнилью, что преследовал меня в кошмарах!

– Споры, – тихо констатировал Том, не глядя на показания портативного спектрометра. Он уже всё понял. – Концентрация зашкаливает. «Он» здесь!

– «Он» использует энергию этого места, – прошептала я, чувствуя, как старый ужас смыкается ледяными щупальцами. – Магию Сид, память мёртвых... как Катализатор!

– Именно, – кивнул О'Брайен, его лицо стало мрачным. – Самайн – ночь, когда Врата в Сид распахиваются! Похоже ваш Грибар... «он» не просто пролез в щель. Он стал частью Врат!

– И ведут они теперь не в Сид!

С наступлением сумерек лес начал меняться на наших глазах! Поднялся густой туман. Воздух стал тягучим, как мёд, и в нём замерцала странная, искрящаяся пыльца! Между деревьями зашевелились не полупрозрачные призраки, а плотные, осязаемые фигуры. Они были слеплены из грязи, опавших листьев, переплетённых корней и грибницы! Бледные, светящиеся грибы проросли у них на лицах, складываясь в подобие глаз и ртов. Это были не Духи! Это были скульптуры, ужасающие куклы. Но в их движениях была странная, чужая грация, а в светящихся глазницах – осо-

знанный, Древний интеллект!

И они не просто стояли! Они медленно, плавно двигались, словно прислушиваясь к чему-то, их грибные голосовые щели издавали тихий, похожий на шум ветра в листве гул, который складывался в подобие речи!

– Они... не просто оживают, – с подавленным ужасом прошептал О’Брайен. – Они... другие! Это не духи умерших. Это... Сиды! Такие, какими они, возможно, были, или какими их себе представляли! Грибар не просто вторгается в их мир. Он... он *возрождает* их, даёт им новую, физическую форму из своей плоти!

– Это не вторжение, – голос прозвучал непривычно твёрдо. Внутри меня всё сжималось от страха, но разум работал с ясностью, побочный эффект тесного контакта с Грибаром. – ЭТО сделка. Он предлагает древним силам их собственную легенду, воплощённую в Грибнице. Вечную жизнь в обмен на служение ему!

Внезапно одна из грибных фигур – высокая, с «короной» из поганок на голове – повернулась к ним! Её светящийся взгляд скользнул по мне, и я почувствовала ледяной ожог в глубине сознания! Существо подняло руку-лозу и медленно, недвусмысленно указало вглубь леса, к тёмному проходу в курган!

– Тир Тоингире, – охнул О’Брайен. – волшебница, по легенде она уводила смертных мужчин за собой в Сид!

Том вскинул мощный тактический фонарь! Луч света вре-

зался в чёрный зев гробницы! Внутри, в самом сердце кургана, мицелий сплёлся в огромную, пульсирующую массу, похожую на гигантское сердце! И в его живой, светящейся плоти, как в утробе, медленно формировалась новая, более крупная и сложная фигура.

– Ядро, – коротко бросил Том. – Он создаёт здесь не точку Входа! Он создаёт... приёмник. Проводника!

– Мы должны уничтожить ЭТО, – твёрдо заявила я, сжимая кулаки. – Пока он не обрёл Голос!

Но, глядя на это зрелище, меня охватило странное, двойственное чувство. Это был ужас, да! Но сквозь него пробивалось что-то ещё... почтительное, древнее, отзвук того самого «Прозрения». Это была не просто чудовищная Инфекция. Это было новое воплощение Древней магии, Экосистема, переписывающая саму реальность! И часть меня, зараженная когда-то, чувствовала зов этой новой, ужасающей жизни!

В этот момент из рации Тома раздался не треск, а чистый, но искажённый сквозь слои реальности голос, от которого кровь застыла в жилах. Голос, который я не слышала год!

«...Вив... не... бойся... Они... не наши враги...»

Это был голос Харпера!

Он шёл не только рации. Он исходил из самой гробницы, из самого сердца светящегося кургана, из уст той самой формирующейся фигуры!

– Вы слышите его? Это Харпер!

Я обернулась и увидела бледные, искажённые лица Тома

и Лиам! Они смотрели на меня, но не на источник голоса, а на *меня*! Они слышали только мои слова!

– Вив, о чём ты? Что с тобой? – Том сделал шаг ко мне, его рука инстинктивно потянулась к оружию, но замерла в нерешительности.

Лиам смотрел на меня с растущим ужасом понимания, как учёный, видящий подтверждение своей самой безумной гипотезы!

– Оно... оно говорит с тобой? – прошептал он.

Я закрыла глаза, пытаюсь отсечь их голоса и саму реальность. Внутри моей головы было куда громче!

«Они слепы, сестрёнка! Как и я был слеп! Но ты... ты всегда всё чувствовала! Ещё до лаборатории! Помнишь, как в детстве ты разговаривала с деревьями? Ты думала, это игра!»

Это был не просто голос. Это была его интонация, его лёгкая насмешка, смешанная с нежностью. Это был *он*!

– Тот голос... Грибара... – я с трудом выговаривала слова, пытаюсь объяснить им, объяснить самой себе. – Когда мы закрыли Разлом, он исчез! Я не слышала *ничего* целый год! Я думала, свободна. Но сейчас... я слышу Харпера. Отчётливо!

Я открыла глаза и посмотрела прямо на Тома.

– Он не в кургане, Том! Он не в этой грибнице. Он... во мне!

Щелчок в сознании. Не тихий, а оглушительный, как

взрыв. Все пазлы сложились!

Моё «чутьё», которое привело меня сюда! Странное спокойствие при виде этих грибных Сидов! То, как я *понимала* их, почти сочувствовала! Это был не опыт. Это была работа «сборщика урожая»! Не героя, борющегося с заражением, а его конечной, кульминационной стадии!

Я – не Вив, пришедшая уничтожить угрозу.

Я – Вив, пришедшая домой!

«Правильно, – прозвучал в голове его голос, полный гордости. – Ты – мой ключ! Моё Семя! Ты несла в себе частичку меня все эти месяцы, неся её к новому порогу. Ты не борешься с заражением, Вив. Ты его завершаешь! Ты – Мост! Между их миром и нашим! Между мёртвыми и живыми! Между прошлым и тем, что грядёт!»

Я посмотрела на своих спутников – на испуганное лицо Тома, на потрясённое лицо Лиама. Они видели перед собой союзника! А я смотрела на... на что? На прошлое? На тех, кто остался по ту сторону?

– Он... он говорит, что я ... Симптом, – выдохнула я, и в моём голосе не было страха. Была шокирующая, леденящая ясность. – Конечная стадия! Я здесь не для зачистки Аномалии. Я Ключ для открытия Врат!

И в тот миг грибные Сиды вокруг нас замерли в почти-тельном поклоне. Их светящиеся взоры были обращены не на курган. Они смотрели на меня!

Я чувствовала, как его воля – теплая, густая, как смола, – растекается по моим синапсам, предлагая покой, предлагая воссоединение! Стоило лишь согласиться...

Резкий, химический запах ворвался в моё обоняние, едкий и горький! Что-то холодное и мокрое брызнуло мне в лицо.

Мир споткнулся и перевернулся!

Тот сладкий гул в голове смолк, будто кто-то вырвал шнур из розетки! Исчезла та бархатистая пелена, что застилала разум. Осталась только сырая, колючая реальность: свист ветра, запах гнили и земли, и два испуганных лица передо мной!

Я моргнула, откашлялась, чувствуя, как сознание проясняется с болезненной скоростью.

– Это... Прототип – сказал Том, сжимая в руке маленький баллончик. Его голос дрожал, но взгляд был твёрдым. – Экспериментальная вакцина против нейротоксического воздействия спор Грибара! Мы с Рипли работали над ней... до того дня! Я не был уверен, что она работает. До сих пор!

Я смотрела на него, на Лиаму, потом на грибных Сидов. Они больше не выглядели величественными древними духами. Они выглядели... больными. Искажёнными! Монструозными гибридами из плоти и грибницы, порождением чудовищного паразита, а не возрождёнными легендами!

То, что я сейчас видела... Ясность была хуже бреда. Хуже, потому что была правдой!

– Я Ключ, – прошептала я, и на этот раз в голосе была не

покорность судьбе, а ожесточённая решимость. – Но Ключ может не только открыть Врата!

Я повернулась к тёмному проходу в курган, к тому пульсирующему сердцу, что звало меня.

– Он может и закрыть их!

Голос в голове попытался вернуться, но теперь он был слабым, далёким, как плохой приём по радио.

«...Вив... не надо... вернись... мы будем... вместе...»

Это был всё ещё голос Харпера. Но теперь я слышала не брата, а охотника! Приманку!

– Нет, – сказала я твёрдо, обращаясь к пустоте в своей голове и к сущности в кургане. – Он мёртв! А ты – просто болезнь, которая крадёт его образ!

Том бросил на меня взгляд и повернулся к Лиаму.

– Взрывчатку! Всю, что есть! Мы не будем запечатывать эту дверь. Мы вырвем её с корнем!

Сиды вокруг нас зашевелились, их спокойная грация сменилась на угрожающую скованность. Они почуяли перемену! Ключ не просто отказался открывать. Он решил сломать замок!

И впервые за эту ночь я почувствовала не ужас и не отчаяние, а чистую, холодную ярость! Ярость, которой было достаточно, чтобы сжечь остатки Грибара в своей душе и сделать то, что должно было быть сделано год назад!

– Взрывчатка не пойдет, – резко сказала я, всё ещё чувствуя головокружение от ясности! Мой разум, освобождённый на мгновение от воли Грибара, лихорадочно обрабатывал полученную информацию. – Когда он был во мне... я видела не просто дверь. Я видела *Сеть*! Эти «Чёрные ходы»... они не самостоятельные разломы! Они как... капилляры. Они питаются от главного ствола, который мы запечатали, но у них есть своя слабость!

Том и Лиам смотрели на меня, затаив дыхание. Грибные Сиды сделали шаг вперёд, их тихий гул стал угрожающим.

– Он использует энергию этого места, верно? Энергию Сид, мёртвых, – я говорила быстро, слова опережали мысли. – Но это палка о двух концах. Эта энергия – чужая для него! Он её не создаёт, а *ворует* и преобразует. Как... паразит!

Я указала на пульсирующее сердце в кургане.

– Там, внутри, не просто скопление мицелия. Там – квантовый стабилизатор! Устройство, который удерживает связь между нашим Миром и тем, что за Вратами, и одновременно преобразует их энергию в свою. Если мы просто взорвём его, мы рискуем разорвать саму ткань реальности здесь! Мы можем не закрыть проход, а, наоборот, раскрыть его настежь, выпустив в наш мир всё, что скрывается в Сид!

– Что же тогда делать? – выдохнул Лиам.

– Мы должны сделать то, на что у Грибара не хватит сил –

сказала я, и в глазах вспыхнула та самая решимость, что вела через год тишины. – Мы должны *перенаправить* энергию! Не дать ему её украсть!

Я повернулась к Лиаму.

– Вы сказали, что здесь был «Неметон»! Священная роща! А что было её сердцем? Камень? Дерево? Источник?

Лиам, ошеломлённый, кивнул и указал на огромный, полузасохший дуб на краю поляны, его ствол был оплетён всё той же зловещей Грибницей.

– Дуб... Говорят, ему больше тысячи лет. Друиды проводили здесь обряды!

– Идеально! Том, у тебя есть источник когерентного излучения? Лазер? Что-то, что может создать направленный энергетический импульс?

Том, не задавая лишних вопросов, уже рылся в своём рюкзаке.

– Маломощный лазерный целеуказатель... но его не хватит...

– Не нужно мощности! – перебила я. – Нужна точность! Мы не будем взрывать. Мы сделаем *Обходной Канал*! Мы используем лазер, чтобы на несколько секунд «прошить» чистый канал между древним Дубом-источником энергии и ядром Грибара в кургане! Но не для того, чтобы питать его, а

для того, чтобы создать обратную связь!

Я посмотрела на них, видя, что они не до конца понимают.

– Представьте, что вы подключаете электроприбор прямо к электростанции, минуя трансформатор. Его просто сожжёт! Мы подключим «сердце Сид» прямо к «стабилизатору Грибара»! Чистая, нефiltroванная энергия этого места будет подаваться напрямую. Его система не выдержит! Она перегрузится и коллапсирует, разорвав связь! Это будет не взрыв, а... короткое замыкание в самой реальности. Дверь захлопнется!

– Это безумие! – воскликнул Том. – Мы не знаем, каковы последствия!

– Последствия взрыва ещё хуже! – парировала я. – И у нас нет выбора! Делай!

Сиды, словно поняв наши намерение, ринулись вперёд! Том, дрожащими руками, настраивал оборудование, присоединяя лазер к портативному компьютеру. Лиам схватил тяжёлый камень, готовясь отбиваться!

Луч света, тонкий как игла, выстрелил из устройства Тома! Он упёрся сначала в древний Дуб, а затем, после быстрой перенастройки, – в пульсирующее ядро в кургане!

На секунду ничего не произошло. Затем воздух затрепетал! Свет внутри кургана из фиолетового стал ослепительно-белым! Грибные Сиды застыли на полпути и начали рассыпаться в пыль, словно пепел. Из кургана донёсся не рёв, а

высокочастотный визг — звук рвущейся плоти реальности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.